

И. Е. Гарбер

*Национальный исследовательский Саратовский государственный университет
ул. Вольская, 10а, Саратов, 410028, Россия*

ilya.garber@gmail.com

ЯВНЫЕ И НЕЯВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В ходе сравнительного анализа явных и неявных оснований естественных и социогуманитарных наук рассмотрен генезис оснований науки, их соотношение со здравым смыслом, обыденным сознанием, житейским опытом и человеческой интуицией. Анализ проведен с учетом условного деления наук на теоретические (фундаментальные) и практические (прикладные). В качестве основных примеров избраны физика от естественных наук и психология – от социогуманитарных. Рассмотрена связь между соответствием оснований теории научным стандартам и ее выживанием. Показано, что естественные науки развивались путем смены исходных постулатов, парадигм, а главным внешним критерием по отношению к социогуманитарным теориям является их выживаемость. Это утверждение сопоставляется с тем, что в естественных науках прикладные технологии, изменяющие мир, являются прямым следствием фундаментальных результатов, в то время как в социогуманитарных науках эта связь намного слабее.

Ключевые слова: явные основания, неявные основания, естественные науки, социогуманитарные науки, психология, физика, фундаментальная наука, прикладная наука, кризис науки, прогресс науки, здравый смысл, жизненный опыт, идеальный конструкт, реальное событие, научный стандарт, выживание теории.

Введение

Возросший интерес к основаниям науки обусловлен, в частности, тем, что в информационном обществе эмпирические данные производятся быстрее, чем они могут быть организованы, представлены наглядно и осмыслены (возникающие при этом проблемы обсуждаются, например, на сайтах Data Documentation Initiative¹ и Dublin Core Metadata Initiative²). Обнаружение ожидаемых закономерностей и прогнозирование неожиданных тенденций требует от исследователей синергетического подхода, использующего последние достижения статистики, прикладной математики, информатики, искусственного интеллекта, представления знаний, когнитивной науки и дисциплин в области принятия решения, в условиях значительного разрыва между естественными,

инженерными и социогуманитарными науками. Его необходимость декларировалась при начале разработки в первом десятилетии XXI в. конвергентных (трансформативных) технологий NBICS (N – Nano, B – Bio, I – Info, C – Cogno, S – Socio), позволяющих говорить о начале нового этапа развития природы, общества, человека и науки, стирающего границы между естественными и искусственными системами, и способного, с антропологической точки зрения, изменить человека как вид. Изучению оснований науки уделяют внимание как отечественные методологи (см., например, Степин, 2003; Дорфман, 2003, 2005), так и зарубежные специалисты, издающие с 1995 г. журнал «Foundations of Science», посвященный обсуждению фундаментальных понятий, принципов, предположений и нерешенных проблем как традиционных дисциплин, так

¹ <http://www.ddialliance.org/>

² <http://dublincore.org/>

и недавно возникших междисциплинарных областей.

Целью данной работы является сравнительный анализ явных и неявных оснований естественных и социогуманитарных наук. Со времен историка культуры и литературоведа Вильгельма Дильтея (Dilthey, 1833–1911), *Naturwissenschaften* (науки о природе, номотетические науки, направленные на изучение закономерностей) принято противопоставлять *Geisteswissenschaften* (наукам о духе, идиографическим наукам, направленным на изучение уникальных явлений). В последние годы эти термины, в связи с понижением статуса немецкого языка в научном сообществе, встречаются редко, однако в методологическом плане по-прежнему историю, лингвистику, психологию, социальные науки объединяет **изучение эмпирических данных на основе понимания** (*Verstehen*) или **интерпретации** (*Hermeneutics*), толкования смыслов, герменевтического подхода (Лызлов, 2009; Grünewald, 2009), в отличие от физики, химии, биологии, объединенных принципами натурализма, предполагающими **изучение законов природы, не зависящих от человеческой воли**.

Согласимся использовать условное деление наук на теоретические (академические, фундаментальные, «чистые») и практические (прикладные, «нечистые») части, приводящее к выделению четырех объектов изучения:

- теоретические естественные науки (теоретическая физика, теоретическая химия, общая биология);
- прикладные естественные науки (инженерные, технические и промышленные применения физики, химические технологии, прикладная биология);
- теоретические социогуманитарные науки (теоретическая история, теоретическая лингвистика, общая психология, теоретическая социология);
- прикладные социогуманитарные науки (прикладная лингвистика, прикладная психология, прикладная социология). В качестве основных иллюстрирующих примеров избраны физика от естественных наук и психология от социогуманитарных наук как познающие внешний и внутренний мир человека соответственно.

27 апреля 2009 г. президент Б. Обама (Obama, 1961) выступил перед Националь-

ной академией наук США с речью. В ней он говорил о том, что «сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни» (Revkin, 2009) и обещал выделять более трех процентов валового внутреннего продукта из федерального бюджета на финансирование математического и естественнонаучного образования, естественных наук и инженерного дела. Социогуманитарные дисциплины в докладе не упоминались.

Причину негативного отношения к ним основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу (Maslow, 1908–1970) усмотрел в **центрировании на средствах** (инструментарии, техниках, процедурах, методах) в противоположность **центрированию на целях** (проблемах, вопросах, функциях): «Центрирование на средствах приводит к иерархии наук, в которой физика совершенно неоправданно считается более «научной», чем биология, биология превосходит по «научности» психологию, а психология, соответственно, социологию... С точки зрения науки, центрированной на проблемах, подобная иерархия невозможна, поскольку никому не придет в голову утверждать, что проблемы безработицы, расовой дискриминации или любви менее важны, чем изучение звезд, натрия или функции почек» (Маслоу, 2003, с. 251).

Социолог и бунтарь в науке Чарльз Миллс (Mills, 1916–1962) критиковал технократов: «Нам говорят, что физика якобы достигла такого уровня, что проблемы строгости и точности эксперимента теперь можно выводить из строгой математической теории. Не физика достигла такого уровня, а эпистемологи установили возможность такого взаимодействия в рамках модели познания, которую сами же и сконструировали» (Миллс, 2001, с. 73) и так интерпретировал их латентные цели: «Они предполагают делать с обществом то, что, по их мнению, физики уже делают с природой..., что стоит только применить «Методы науки», с помощью которых человек овладел атомом, для «контроля над социальным поведением», как проблемы человечества будут скоро решены, и наступит мир и изобилие для всех» (там же, с. 133).

Конкурентные отношения затрудняют объективное сравнение оснований, фунда-

ментальных принципов, методов, теорий, достижений и ограничений естественных и социогуманитарных наук, их взаимовыгодный междисциплинарный обмен.

Генезис оснований естественных и социогуманитарных наук

Теоретическое познание, как естественное, так и социогуманитарное, направлено на **описание, объяснение и предсказание** процессов и явлений действительности. Для специалиста-практика, например, для психолога, методологическая триада выглядит несколько иначе: психологическая **диагностика** – психологическое **прогнозирование** – психологическое **управление** (Суходольский, 2006, с. 351). В обоих случаях академический и прикладной исследователи исходят из целостной модели, опирающейся на основания науки, – идеалы и нормы исследования, в том числе, этические; научную картину мира и некоторые философские (метафизические, эвристические) идеи, выраженные в явной или, чаще, в латентной форме. Изобразим эволюцию познания схематически в виде лестницы (схема 1).

Научное Философское Религиозное Мифологическое

Схема 1. Эволюционная лестница познания

Она соответствует концепции трех стадий духовного развития человечества: магия, религия и наука, предложенной антропологом и историком религии Джеймсом Фрээрером (Sir James George Frazer, 1854–1941), внесшим существенный вклад в изучение трансформации религиозных верований. Согласно Фрээреру, на «магической» стадии развития люди верили в возможность произвольно изменять окружающий мир по своей воле, однако на практике убедились, что это не так, и стали считать, что мир подчиняется всемогущим богам и сверхъестественным силам, затем преобладало мнение о том, что мир управляется «законами природы», познав которые, можно управлять им. При этом переход от «низшей» стадии к «высшей», согласно Дж. Фрээреру, характеризуется почти полным отказом от предшествующих идей: ма-

гия почти полностью исчезает на «религиозной» стадии, а религия – на «научной», что позволяет изобразить стадии в виде ступенек лестницы, ведущей вверх (схема 2).

Наука Религия Магия

Схема 2. Лестница духовного развития человечества по Дж. Фрээреру

В концепции Дж. Фрээрера можно усмотреть личные мотивы: выросший в атмосфере глубокой набожности, он в ходе обучения в университете (1869–1874) безболезненно утратил детскую религиозную веру. Ранее, в 1830 г., лестница наук, то есть иерархия основных наук, была предложена в классификационной схеме основоположником социологии Огюстом Контом (Comte, 1798–1857; схема 3).

Социология Биология Химия Физика Астрономия Математика

Схема 3. Лестница наук по О. Конту

Схема 3 выражает в логической форме исторический процесс становления и развития научного знания, его эволюционную динамику, постепенный переход от простого к сложному, от низшего к высшему, от общего к специфическому. Выделение наук по остаточному, генетическому принципу позволяет предположить, что существует некоторая преемственность в трансформации оснований различных наук и применяемых ими методов. В частности, можно говорить о параллельном (совместном) смещении границ наук: вследствие экспансии нижележащих наук в пограничные области расположенных выше смежных наук как верхняя, так и нижняя границы каждой науки смещаются в сторону более сложно организованных объектов (Имянитов, 2003, с. 4) и, как минимум, можно утверждать, что **нижележащие науки влияют на основания вышележащих смежных наук**. Существуют более сложные классификации, например, в виде «дерева» наук и многомер-

ные, однако для предварительного анализа оснований науки достаточно порядковой, иерархической модели.

Мифологическое познание в первобытной культуре (Primitive Culture), превращение фактов ежедневного опыта в миф, было основано на принципе антропоморфизма, то есть приписывания человеческих качеств неодушевленным предметам, живым существам и вымышленным созданиям, что сохранилось в неизменном виде в современном языке: мы говорим, что дождь идет, небо хмурится, а листва шепчет. Психолог и философ Жан Пиаже (Piaget, 1896–1980) в начале научной карьеры изучил сходные особенности представлений маленьких детей об окружающем мире: неразделенность мира и собственного Я, анимизм (вера в одушевленность всей природы) и артификализм (восприятие мира как созданного руками человека).

Мифологические основы познания обеспечивали целостную картину мира, единство рационального и эмоционального, знания и переживания, утраченные позднее. В современном обществе миф, как правило, находится вдали от мировоззренческого центра, но нередко используется как метафора. Например, в конце XX в. в России либеральными экономистами распространялся миф об оживлении собственности, заключающийся в том, что частная собственность, в отличие от социалистической, «мертвой», в рыночных условиях «живет», «вибрирует», «мстит» и «вырывается» из рук плохого владельца в поисках хозяина, способного использовать ее более эффективно.

Модельно-символический подход в когнитивной науке основан на компьютерной метафоре, уподобляющей персональный компьютер человеку: программное обеспечение (software) соотносится с человеческим познанием, а техническое оборудование (hardware) – с нервным субстратом и работой мозга. Возможность вести с компьютером диалог, восприятие машины как партнера, обладающего большим объемом знаний и решающего сложные задачи, осмысленно реагирующего на поставленные вопросы, способствует персонификации компьютера, отношению к нему как живому существу и наделению его человеческими качествами. Намного реже мифы включаются в основания научной теории. В качестве

примеров можно указать на Эдипов комплекс (Ödipuskomplex) создателя психоанализа Зигмунда Фрейда (Freud, 1856–1939) и комплекс Электры основоположника аналитической психологии Карла Юнга (Jung, 1875–1961).

В отличие от монологического мифологического познания, религиозное познание в монотеистических религиях (иудаизме, христианстве, исламе) имеет личностно-диалогический характер. Философ и теолог Мартин Бубер (Buber, 1878–1965) утверждал, что любое отношение Я – Ты возможно лишь потому, что существует Бог как Вечное Ты (Лифинцева, 1999). Религиозное познание основано на вере. Человеку предлагается верить, переживать и сопереживать, а не размышлять и делать выводы.

Значительную часть культуры современного общества можно интерпретировать как совокупность секуляризованных форм религиозной веры и практик. В частности, философскому и научному познанию природы, общества и человека предшествовала целостная религиозная картина мира. Принятые многочисленными социальными общностями, **религиозные догматы, как правило, выражались в явном виде.** Например, таковы золотое правило нравственности: не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе (quod tibi fieri non vis alteri ne feceris), лежащее в основе различных религиозных и философских учений Востока и Запада, и десять заповедей (Декалог), содержащих абсолютные запреты на совершение некоторых действий, поступков, на использование некоторых средств достижения любой цели и оценивающих как зло любой компромисс добра и зла (Лефевр, 2003а), объективно направленные на выживание человеческого рода в новых, усложнившихся, условиях жизни. Явное, детальное описание исходных символов веры требовалось для эффективной организации жизнедеятельности религиозных сообществ.

Вторая особенность оснований религиозного познания заключается в **неизменности базовых постулатов веры** на протяжении длительного времени. Например, каждый сотрудник Южного Уэслианского университета (Southern Wesleyan University), принадлежащего Уэслианской церкви, в начале XXI в. должен письменно подтвердить согласие со всеми или, хотя бы, с большин-

ством из девяти утверждений, заключающихся в признании:

(1) Священного писания Ветхого и Нового завета в качестве высшего и конечного авторитета для веры и практики;

(2) того, что существует единый Бог, вечно представленный в трех ипостасях: Отец, Сын и Святой Дух;

(3) того, что Бог создал человека и всю вселенную и т. д.

Физик и философ Альберт Эйнштейн (Einstein, 1879–1955) выражал взаимосвязь и взаимозависимость изменчивой науки и неизменной религии афоризмом «наука без религии хрома, религия без науки слепа» и считал, что устранение противоречий между ними возможно на основе отказа религии от концепции антропоморфного, созданного по образу и подобию человека Бога. В этом случае разделение функций он представлял следующим образом: наука дает знание того, что есть, но не того, что должно быть; она стремится к истине и пониманию, а религия предоставляет науке систему сверхличностных фундаментальных целей, объектов и ценностей, выбор которых не может быть рационально обоснован, но за которым стоит живой дух человечества и его наиболее ярких представителей.

Главной особенностью философского знания, по сравнению с религиозным, является его рационально-теоретическая форма. Согласно теории рациональности социолога, историка и экономиста Макса Вебера (Weber, 1864–1920), ее возникновение, становление и развитие связаны с освобождением человека от магических суеверий, рационализацией мировых религий, минимизацией догматики и ритуала, расколдовыванием религиозной картины мира.

Вместо **образа** и **символа**, характерных для мифа, философия предложила рациональные **понятия**, **категории** и **термины**. Отметим, что в качестве своеобразной компенсации за утрату некоторых достоинств мифологического и религиозного подходов, в современной психологии, исходя из того, что «образ в контексте моделирования равен по значимости абстрактному понятию или даже вытесняет его» (Старовойтенко, 2001, с. 11), создание **моделей-в-понятиях** и **моделей-в-образах** рассматривается не только как метод исследования, но и как способ репрезентации известного общепсихологического знания, создания **психологии-в-мо-**

делях, в конечном счете, единой теории психики, основанной на синтезе научного знания с мифологическим, религиозным и художественным. Предложенная в (Старовойтенко, 2001) методология ориентирована на вузовское образование и включает в себя спектр исследовательских, объяснительных, интерпретационных моделей, основанных на истории психологии и междисциплинарных подходах. Предполагается, что описанные модели могут быть использованы для обоснования экспериментальных, психокоррекционных, развивающих и психотерапевтических практик.

Для начала XXI в. характерно систематическое движение по лестницам 1–3 не только в направлении «снизу – вверх», но и «сверху – вниз». Психолог и математик Владимир Лефевр (Lefebvre, р. 1936) высказался в защиту своего права «надеяться получить новые знания о реальном мире, взяв за основу некоторые утверждения, истинность которых нельзя установить» (Лефевр, 2003б, с. 422). Принципиальный отход от эмпирических данных при построении математических моделей, использование метафизических рассуждений обосновывалось им ссылкой на статью «тихого гения», физика Юджина Вигнера (Wigner, 1902–1995), привлечшего внимание ученых к тому, что непостижимая эффективность математики в естественных науках граничит с мистикой, и этому не видно рационального объяснения (Вигнер, 1971). В. А. Лефевр утверждает, что метафизическое мышление «оказывается парадоксальным образом эффективным при построении математических моделей, хотя и не имеет видимых связей с реальностью. Мы можем всего лишь вообразить, что как математические структуры, так и метафизические конструкции связаны с архетипическим пластом нашего мышления, который неведомым нам сегодня путем коррелирован с объективными законами Универсума» (Лефевр, 2003б, с. 425). Ему противоречит методолог эмпирической психологии Л. Я. Дорфман (р. 1951), утверждающий, что «научное знание должно быть свободно от якобы самоочевидных интуитивных предпосылок, поскольку они порождают сомнения», а метафизические построения нередко «превращаются не более чем в упражнения в области логики» (Дорфман, 2003, с. 52). Главным аргументом представителей несовместимых точек зрения может стать нали-

чие или отсутствие моделей, дающих адекватное описание реальности и прогноз ее будущего.

Философ Карл Ясперс (Jaspers, 1883–1969) обозначил как «осевое» время (Achsenzeit) период в истории человечества (800–200 гг. до нашей эры), когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское (античная философия, буддизм, даосизм, зороастризм, иудаизм, конфуцианство). **Радикальное изменение формы при возникновении философии сопровождалось минимальными изменениями содержания.** В книгах древних авторитетов и, прежде всего, Аристотеля, чьи сочинения составляли базу средневекового западного мировоззрения, «доказана» неподвижность Земли и «опровергнута» гипотеза о ее вращении, «установлено», что скорость падения пропорциональна весу тела, а движение происходит, пока действует «побудительная причина» (сила), и в ее отсутствие прекращается и т. п.

Непосредственное наблюдение, жизненный опыт, здравый смысл и интуиция подтверждали и по-прежнему подтверждают (согласно данным ВЦИОМ, в 2011 г. 32 % россиян полагают, что Солнце вращается вокруг Земли) ложные утверждения Аристотеля. Психолог и методолог В. М. Аллахвердов (р. 1946) справедливо утверждает, что «опровержение утверждений Аристотеля составляет суть естественной науки Нового времени» (Аллахвердов, 2003, с. 38), и предлагает психологам использовать эвристики, основанные на отказе от банальных суждений (Аллахвердов, 2009, с. 143–146). Инерционность системы образования иллюстрирует тот факт, что один из создателей классической физики и математического анализа Исаак Ньютон (Sir Isaac Newton, 1642–1727) изучал в Кембридже естествознание и философию по Аристотелю, хотя в его тетрадах упоминаются теории Галилео Галилея (Galilei, 1564–1642), Николая Коперника (Copernik, 1473–1543), Рене Декарта (Descartes, 1596–1650), Иоганна Кеплера (Kepler, 1571–1630) и Пьера Гассенди (Gassendi, 1592–1655).

Несоответствие новой, рациональной, формы представления знания его старому традиционному содержанию было преодолено рождением, становлением и успехами науки Нового времени. Наука, как и капитализм, является уникальным феноменом че-

ловеческой цивилизации. Правдоподобные объяснения генезиса обоих феноменов могут быть сформулированы в терминах этики. Упомянутый выше М. Вебер сделал это в работе «Протестантская этика и дух капитализма» («Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus»), впервые опубликованной в 1905 г., и основанной на сопоставлении «мирского аскетизма» верующего протестанта и рационального предпринимателя (Вебер, 2010). По его мнению, протестантизм способствовал возникновению капиталистических форм поведения в хозяйственной и повседневной жизни.

Аналогичный анализ применительно к науке был проделан историком науки и философом Л. М. Косаревой (1948–1991). Она исходила из того, что «традиционалистский тип этики исполнения готовых норм-заповедей эффективен в условиях относительной социальной стабильности, в условиях существования устойчивого уклада жизни. Переходные эпохи, разрушающие стабильный порядок, традиции, делают человека, ориентированного только на исполнение готовых моральных предписаний, беспомощным перед лицом социальной неопределенности, беспорядка, хаоса» и обосновывала, что становление науки Нового времени было связано с формированием новой этики, этики Фауста, в противоположность средневековой этике Гретхен (Косарева, 1997, с. 20).

Представляется, что сходство этических аргументов М. Вебера и Л. М. Косаревой, подкрепленных исследованиями социолога Роберта Мертона (Merton, урожденный Schkolnick, 1910–2003), не является случайным. **Наука и бизнес имеют общие корни, связанные с религией** (Sperry, 1988; Юревич, Цапенко, 2000). Это рационализм, индивидуализм, культ терпения, прагматизм и утилитаризм. Общее происхождение подчеркивают употребляемые и сегодня слова о «рынке идей», об ученом как «купце истины», пришедшие на смену образу ученого, читающего «книгу природы». Современных ученых и бизнесменов, как впрочем, политиков и спортсменов, объединяет высокий уровень мотивации достижения. Есть и отличия, например, по отношению к приемлемому уровню и видам допустимого риска. Истинность завораживающей простоты, с которой объясняются сложные феномены,

однако, подвергается сомнению. Дескриптивные теории, объясняющие то, что было, и не предсказывающие ничего нового, скептики относят к концепциям *ad hoc*, и оценивают негативно сторонники критерия фальсифицируемости теории философа Карла Поппера (Sir Karl Popper, 1902–1994). Наконец, даже если анализ корректен в отношении инженерных и естественных наук, остаются сомнения в его пригодности для социогуманитарных наук с их специфическим ходом развития.

По мнению социального психолога Сержа Московичи (Moscovici, 1925–2014), описанный историком и философом науки Томасом Куном (Kuhn, 1922–1996) **дуализм наук** (нормальной и революционной) **служит иллюстрацией к дуализму обществ**. Московичи говорит «о контрасте между революционным или аномальным обществом, возникающим из социальных *big bangs*, и обществом нормальным, формирующимся, когда взрывные силы охладелись, а вызывавшие их к жизни инновации приобрели банальный характер» (Московичи, 1998, с. 278). Признание такого рода связи между наукой и обществом позволяет формулировать гипотезы о революциях в науке, детерминируемых системами власти и влияния (факультеты, общества, редколлегии, диссертационные советы, финансирование), социально-психологическими особенностями и социальным статусом научных сообществ и научно-структурными факторами.

Помимо черт сходства между рассмотренными выше типами революций, существуют и принципиальные отличия: со времен натуралиста Чарльза Дарвина (Darwin, 1809–1882) принято анализировать эволюцию человека и человечества в терминах «адаптации», а науки – в терминах «прогресса» (обсуждаемого ниже). Кроме культурных воздействий, на взаимосвязь науки и общества во все возрастающей степени влияет смена базовых игровых площадок человечества, обусловленная суммой накоп-

ленных технологий и появлением новых методов исследования, представленная на схеме 4.

От исторического анализа генезиса оснований науки, носящего во многом иллюстративный, гипотетический и спекулятивный характер из-за удаленности во времени описываемых событий, мы переходим к конкретному изучению революционных изменений оснований науки, приведших к невиданному прогрессу естественных наук и инженерных технологий и, по контрасту, к длительному кризису социогуманитарных наук.

Кризис и прогресс науки

Проделанный выше анализ показывает, что **стартовые возможности естественных и социогуманитарных наук были примерно одинаковыми**. Например, приборы и инструменты, создававшиеся и использовавшиеся в психологических исследованиях, до некоторых пор соответствовали современному уровню научно-технического развития, а затем началось отставание от естественных и инженерных наук. Разрыв непрерывно рос, и сегодня практический психолог оснащен технически значительно хуже не только физика, химика или биолога, но и врача. Отношение психологов к дорогостоящей аппаратуре (ее стоимость доходит до миллионов долларов / евро) неоднозначное: от безоговорочного принятия и гордости от обладания ею до скептического (Триандис, 2007, с. 240).

Для того, чтобы понять причины различий в развитии естественных и социогуманитарных наук, мы последовательно ответим на три вопроса: что такое кризис в науке, что понимается под прогрессом в науке и какова роль оснований науки в ее кризисе / прогрессе.

Согласно «Психологическому словарю Американской психологической ассоциации», кризис – многозначное понятие: си-

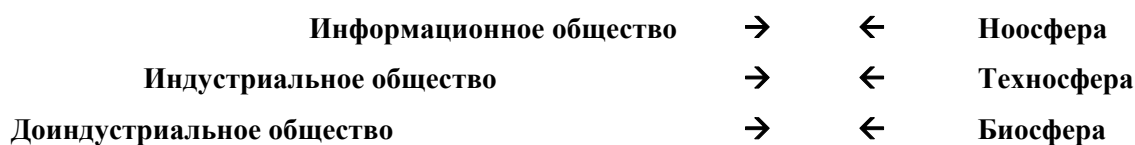

Схема 4. Социотехнологическое развитие общества и смена его игровых площадок

туация, вызывающая значительный стресс у вовлеченных в нее; травматическое изменение жизни человека, часто приводящее к когнитивному или эмоциональному стрессу; поворотный пункт к улучшению или ухудшению в течении болезни; «кризис – это явление, не поддающееся контролю, которое должно идти своим ходом» (Ребер, 2003, с. 390); состояние дел, характеризующееся нестабильностью и возможностью угрожающих изменений к худшему, например, в политической или социальной ситуации; в теории научных революций Т. Куна это ситуация, которая возникает, когда некоторая теоретическая система ослаблена таким количеством аномалий, что воспринимается как недостаточная и начинается поиск лучшей теоретической системы (APA Dictionary of Psychology, 2007, p. 243).

В любом из этих значений предполагается, что **кризис имеет временные ограничения** и должен завершиться внезапным улучшением или внезапным ухудшением. Шутливая оценка кризиса принадлежит социальному психологу Уильяму Макгайру (McGuire, 1925–2007): «Неизвестно, был кризис или нет, хорошо, что он кончился». Его коллега А.И. Донцов (р. 1949), выступая на IV съезде Российского психологического общества (2007), утверждал, что кризис – всего лишь повод для психологов обсудить свои текущие профессиональные дела. Первая в мире лаборатория экспериментальной психологии была основана в Лейпциге в 1879 г. Вильгельмом Вундтом (Wundt, 1832–1920), а спустя 20 лет в том же городе была опубликована книга Рудольфа Вилли «Кризис в психологии» (Willy, 1899). Кризис, длящийся более века, не укладывается в описанную выше схему. Отметим, что **кризис психологии можно рассматривать как ее внутренний феномен и обсуждать в рамках естественнонаучного подхода**.

Согласно лексикографу В. И. Далю (1801–1872), «прогресс – умственное и нравственное движение вперед; сила образования, просвещения» (Даль, 2004, с. 796). Излагая методологические основы эмпирической психологии, Л. Я. Дорфман утверждает, что «под прогрессом науки понимается ее общий рост. Он происходит в виде получения нового (измененного) знания, разработки более совершенных и утонченных методов исследования, углубленного и более полного понимания мира. В конечном итоге рост

науки – это ее движение к истине, как бы различно ни понималось развитие науки и истина и как бы далеко, глубоко и бесконечно ни отодвигались границы непознанного» (Дорфман, 2005, с. 21–22). В. М. Аллахвердов считает, что «достоверные знания не накапливаются от эпохи к эпохе просто потому, что никакое знание не является достоверным. Прогресс науки заключается лишь в постоянном изменении описаний реального мира» (Аллахвердов, 2003, с. 245).

Плодотворным представляется кросс-культурный анализ проблемы, начинающийся со сравнения ценностных ориентаций Запада и Востока, технологического прогресса и духовного совершенствования, и приводящий к тому, что, в отличие от кризиса, **прогресс науки – социальный, исторический, культурный конструкт**, на изменение содержания которого влияют усложнение науки как теоретической и прикладной дисциплины, социального института, а потому **прогресс науки должен быть оценен с помощью как внутренних, так и внешних критериев**. Философ и математик Илкка Ниинилуото (Niiniluoto, p. 1946) считает, что «прогресс» является аксиологическим или нормативным понятием, которое нужно отличать от таких нейтральных дескриптивных терминов, как «изменение» и «развитие», и выделяет различные типы прогресса науки: экономический – увеличение финансирования научных исследований, профессиональный – повышение статуса ученых и академических институтов в обществе, образовательный – возросшее мастерство и компетентность ученых, методический – использование новых методов исследования, улучшение научных инструментов, и когнитивный – увеличение или улучшение научного знания (Niiniluoto, 2008).

В данной работе принято следующее рабочее определение: «прогресс науки заключается в качественно-количественном изменении описания картины мира, принятом большинством ученых на протяжении длительного периода времени», полученное добавлением к определению В. М. Аллахвердова прагматического критерия философа Чарльза Пирса (Peirce, 1839–1914): «истина – мнение, которому предопределено разделяться в итоге всеми исследователями, ...и объект, представленный в этом мнении, есть реальность» (цит. по: Meehl, 2004, с. 616),

Таблица 1

Соответствие оснований науки здравому смыслу
и жизненному опыту

Основания науки	Явные	Неявные
соответствуют здравому смыслу и жизненному опыту	I	III
противоречат здравому смыслу и жиз- ненному опыту	II	IV

и согласимся считать правдоподобным приближением для Пирсовского консенсуса (выживания теории в краткосрочной перспективе) срок в 50 лет.

Операциональное определение прогресса науки позволяет от теоретизирования о нем перейти к его планированию. Так, впервые за свою более чем вековую историю Американская психологическая ассоциация приступила к разработке первого стратегического плана, рассчитанного на срок от трех до пяти лет. Он должен учесть множество факторов, влияющих на область психологии: демографические тренды, глобализацию, изменения качества медицинской помощи, финансирование поведенческих исследований (Anderson, 2008, p. 9). Предполагается, что достижение стратегических целей будет связано с применением инструментов, более привычных для бизнес-сообществ: маркетинга, рекламных и PR-кампаний. Физики с коллайдером и биологи со слоганом «старость – это болезнь, ее можно лечить» показывают пример того, как это можно делать с помощью «кну́та» («конца света») и «пряника» («вечной молодости»).

**Основания науки нового времени
и здравый смысл:
идеальные конструкты
против реальных событий**

В данном разделе основания современной науки, ее базовые отрефлексированные (явные) и неотрефлексированные (неявные) представления о том, как устроен мир и как его можно познавать, рассматриваются в сопоставлении со здравым смыслом и жизненным опытом, а их критерием адекватности служит прогресс теоретического знания и прикладных технологий (табл. 1).

**Явные основания науки
соответствуют здравому смыслу
и жизненному опыту**

Наиболее известный пример в естественных науках представляют аксиомы Евклида (Εὐκλείδης, около 300 г. до н. э.), оперирующие идеальными конструктами (точками, прямыми, углами), имеющими реальные аналоги, и сыгравшие важную роль в возникновении науки Нового времени. На протяжении столетий математики были уверены в том, что с их помощью не только развивают абстрактную дисциплину – геометрию, но и получают истинное знание о трехмерном физическом мире. Оказалось, однако, что Евклидова геометрия не является единственной, а окружающий мир не всегда подчиняется ее законам.

В психологии исходной базовой посылкой является явное и очевидное утверждение о существовании у человека души, внутреннего мира: «мало кто из взрослых людей сомневается в наличии у себя субъективной реальности: переживаний, чувств, мыслей, снов» (Психология XXI века, 2003, с. 7), а во введениях учебников для начинающих прибегают к определению, которого стыдятся: «Психология – наука о психике» (там же), и о котором вскоре «забывают», как о ненужном (Мазилов, 1998, с. 208).

Через два года после завершения «Принципов психологии» философ и психолог Уильям Джеймс (James, 1842–1910) написал о том, что в основе психологии лежит «глубоко укоренившийся предрассудок, будто мы обладаем состояниями сознания, а мозг наш обуславливает их существование» (цит. по: Хант, 2009, с. 190), однако в начале XXI в. продолжается дискуссия о том, где находится внутренний мир и где граница между внешним и внутренним (Вересов,

Агафонов, 2004). Вопросы разумные и не праздные, в отличие от проблемы гомункулула, получателя информации, смотрящего на экран маленького телевизора в мозгу (пример биолога Фрэнсиса Крика (Crick, 1916–2004)), но по форме и содержанию напоминающие средневековые вопросы о космологии Аристотеля: «А что находится вне мира?», «А что будет, если проткнуть палкой самую крайнюю оболочку небесного свода?» (Койре, 1985, с. 17). Дискуссанты в поисках ответа апеллируют к физикам (Копернику, Галилею, Ньютону) и не замечают математика Джона фон Неймана (Neumann, 1903–1957), разрубившего гордиев узел проблем и уничтожившего границу между «внутренним миром» компьютера (программным обеспечением) и «внешним миром» (представленным входными данными), обеспечившего предложенной архитектурой компьютеров беспрецедентный прогресс информационных технологий.

Создатель транспективного анализа В. Е. Ключко (р. 1943) уточняет проблему: «Науки переполнены категориями, фиксирующими объективные и субъективные явления, но практически нет понятий, которые могли бы адекватно фиксировать ту реальность, которая открывается при попытках мысли проникнуть в пространство, существующее между духом и материей, объективным и субъективным» (Ключко, 2005, с. 103) и рассматривает многомерный мир данного человека, скрытый от него для того, чтобы обеспечить ему возможность видеть мир отдельно от себя, при этом «исчезает противоположность бывшего внутреннего и бывшего внешнего, снимается их абсолютность» (там же, с. 107).

В настоящее время вариант 1 ассоциируется с периодом возникновения и становления естественной науки, завершившимся ее революционными изменениями, и с непримиримыми противоречиями между социогуманитарными исследователями по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения (Кун, 2001, с. 16).

**Явные основания науки
противоречат здравому смыслу
и жизненному опыту**

Экономист и философ Фридрих фон Хайек (Nauek, 1899–1992) отрицал, что «идеи» ве-

щей «обладают некой трансцендентальной реальностью и что, анализируя идеи, мы можем узнать нечто, если не все, о свойствах реальных вещей» (Хайек, 2003, с. 34), и во время Второй мировой войны сформулировал парадоксальную мысль: «науку занимает не то, что думают люди о мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать» (там же, с. 39). На первый взгляд, она обесценивает предмет психологии и других социальных наук. Однако ему вторит создатель концепции личностного (или неявного) знания Майкл Полани (Polanyi, 1891–1976): «из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие» (Полани, 1985, с. 21).

Истоки этого направления развития естественной науки в мировоззренческом плане связаны с созданием Н. Коперником гелиоцентрической системы мира (на одном из памятников ему написано: «Остановивший Солнце – сдвинувший Землю»). Автор теории, противоречащей жизненному опыту людей, понимал, какой нелепостью должно было показаться его учение современникам, но был уверен в том, что предложил не просто удобную математическую модель для астрономических расчетов, но истинное описание реального мира. Разгром умозрительной метафизики, отказ от поиска «сущностей» (субстанций), наделенных некими свойствами, «первопричин» природных процессов продолжил Галилей. Он считается основателем экспериментальной физики, однако на развитие науки революционное воздействие оказал идеализированный эксперимент, в котором Галилей мысленно устранил трение, что позволило впоследствии Ньютону сформулировать закон инерции: «Всякое тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, если только оно не вынуждено изменять его под влиянием действующих сил». Это утверждение, заучиваемое наизусть в школе, противоречит повседневному опыту. Новизна идеи, позволившая понять движение, состояла в том, что «закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента, его можно вывести лишь умозрительно – мышлением, связанным с наблюдением» (Эйнштейн, Инфельд, 1966, с. 16).

И. Ньютон ввел в физику понятие силы, сформулировал с его помощью три закона механики, открыл закон всемирного тяготения, объяснил движение небесных тел и многое другое. Если Н. Коперник низвел Землю до уровня одной из планет Солнечной системы, то И. Ньютон показал, что земные и небесные законы природы одинаковы. Для современников, в том числе образованных, его утверждения были сродни магическим. Однако он невозмутимо отвечал на их вопросы: «*Hypotheses non fingo*» (гипотез не предлагаю). Условно аргументы критиков можно было разделить на две группы: прикладные и теоретические. Первые были основаны на том, что расчеты, основанные на «правильных» моделях Коперника, Галилея и Ньютона, не сразу доказали превосходство над старыми, «неправильными», основанными на идеях Аристотеля и Птолемея, но с течением времени были сняты. Суть вторых заключалась в отсутствии объяснения природы гравитационной силы. В «Математических началах натуральной философии» Ньютон изложил формальный аппарат и оставил открытыми вопросы о причине тяготения и его материальном носителе. Ядро теории составила концепция дальнего действия, согласно которой материальные тела действуют друг на друга без посредников, через пустоту, на любом расстоянии, с бесконечно большой скоростью. В психологии ей соответствовало бы взаимодействие внутренних миров людей и чтение мыслей на расстоянии. Как показал проведенный в 1973 г. в США эксперимент Дэвида Розенхана (Rosenhan), однократного сообщения психиатрам о слуховых галлюцинациях («голосах») достаточно для постановки диагноза «шизофрения» (Rosenhan, 1973).

Дальнейшее развитие естественных наук было связано с идеями физика и философа Альберта Эйнштейна (Einstein, 1879–1955), в общей теории относительности рассмотревшего пространство – время с переменной метрикой, создавшего релятивистскую теорию гравитации и удалившего ньютоновское дальнее действие из физики. Его научный оппонент, Нильс Бор (Bohr, 1885–1962), предложивший принцип дополнительности, используемый, помимо физики, в социогуманитарных науках, полусерьезно утверждал, что физика достигла такой ступени развития, когда правильная новая теория должна быть сумасшедшей. Например, сложнейшее уравнение Эрвина Шредингера (Schrödinger, 1887–1961), предло-

женное им в 1926 г. и являющееся одним из фундаментальных законов квантовой физики, эквивалентом уравнения второго закона Ньютона в классической механике, принимается современными физиками без прямого доказательства его справедливости. Можно предположить, что именно **драматический разрыв между повседневным опытом и противоречащими ему научными теориями способствовал распространению легенд** о Галилее, сбрасывавшем предметы разной массы с Пизанской башни, и о том, что Ньютон открыл закон всемирного тяготения, наблюдая за падением яблока с дерева. Впервые «яблоко Ньютона» мельком упомянул его биограф Уильям Стьюкли (Stukeley, 1687–1765), а популярной эта история стала благодаря Вольтеру (Voltaire, 1694–1778). В этом же ряду ответ Эйнштейна на принципиальный вопрос: «Почему все электроны имеют одинаковый заряд?» – «Ну, хорошо, а почему все козы орешки имеют одинаковый размер?»

Прогресс астрономии, механики, физики, естественных наук в целом связан с рассмотрением заведомо не существующих идеальных объектов (например, материальных точек, не имеющих размеров, но обладающих массой; гладких поверхностей, по которым можно двигаться без трения), ненаблюдаемых микрообъектов, чрезвычайно удаленных макрообъектов и постулатов, связывающих их между собой и противоречащих здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции (например, тяжелое тело в отсутствие сопротивления среды падает с такой же скоростью, как и легкое; два никак не связанных между собой тела притягиваются друг к другу). Процесс принятия новых оснований науки был болезненным и длительным, а их адекватность оценивалась исключительно внешними критериями, прежде всего, технологической эффективностью естественной науки, создавшей ядерное оружие, компьютер, сотовый телефон и генную инженерию.

Многими учеными подход Коперника, Галилея, Ньютона, Эйнштейна и Бора считается универсальным, общезначимым и относящимся не только к физике. Призыв психолога Курта Левина (Lewin, 1890–1947) к переходу от аристотелевского способа мышления к галилеевскому (Lewin, 1931) был услышан психологами, понят, но по различным причинам не был принят и не реализован до сих пор. Между тем, аргументы Левина были простыми и логичными.

Например, для аристотелевского способа мышления характерны дихотомические классификации (оппозиции), а для галилеевского – непрерывные, континуальные. Согласно Галилею, объект проявляет свои свойства только во взаимодействии с другими объектами. Поэтому свойство – это характеристика взаимодействий между объектами. Например, вес тела – это не имманентно присущее его природе свойство, а характеристика его взаимодействия с гравитационным полем Земли. Вдали от нее, в условиях невесомости, тело лишается этого привычного свойства.

Успешным примером галилеевского и ньютоновского подхода в социогуманитарных науках является социометрия Джекоба (Якоба) Морено (Moreno, 1889–1974), по мнению социолога Леопольда фон Визе (Wiese, 1876–1969), поднявшая социальные науки «из состояния общественно-научной астрологии на высоту астрономии» (Морено, 2001, с. 8). Социальная вселенная Я. Морено построена по образу и подобию ньютоновского мира на основе аналогий «притяжение – симпатия» и «отталкивание – антипатия», понятий «социальный атом» и «теле». Для людей, лишенных межличностных отношений, Морено ввел понятие «социальная смерть», имея в виду не смерть души или тела, наступающие изнутри, но умирание извне.

Личность и творчество Я. Морено сильно воздействовали на современников. Например, К. Левин говорил: «Если бы не Морено, я бы не занялся групповыми процессами» (там же, с. 9). Как и Левин, Морено гармонично сочетал теорию и практические приложения, создав психотерапевтическую триаду, в которую помимо социометрии включил психодраму и групповую психотерапию. Однако в современных учебниках социометрия чаще и подробнее описывается в курсах по социологии, нежели по социальной психологии. О степени принятия Морено западной психологией говорит тот факт, что в словарь, содержащий тщательно отобранные сведения о 500 ученых, внесших значительный вклад в развитие психологии между 1600 и 1967 гг., Я. Морено, в отличие от физика Н. Бора, не был включен, хотя термин «социометрия» в нем встречается (Психология: Биографический библиографический словарь, 1999).

Желая использовать достижения естественных наук и вписать психологию в общую научную картину мира, К. Левин ощутил недостаточность галилеевского и ньютонов-

ского мышления и наметил переход от атомистического способа мышления Галилея – Ньютона к полемому мышлению Бора – Эйнштейна. Он разработал теорию «психологического поля», привлек аппарат топологии и векторных репрезентаций для решения психологических проблем, однако подвергся обоснованной критике и, надо признать, не добился на этом пути убедительных результатов. К тому же связи между теоретическими воззрениями К. Левина, его, идущей от физика Густава Кирхгофа (Kirchhof, 1824–1887), убежденностью в том, что «нет ничего практичнее хорошей теории», и созданной им прикладной школой групповой динамики носят менее непосредственный характер, чем у Я. Морено. Среди современных последователей К. Левина назовем психолога Яна Вальсинера (Valsiner, p. 1951) и математика Ли Рудольфа (Valsiner, Rudolph, 2008; Rudolph, Valsiner, 2013).

Даже если этот проект или какой-то другой, например, В. Лефевра (Лефевр, 1991; 2004), достигнет теоретического успеха, возможность принятия международным психологическим сообществом новых правил игры представляется маловероятной по причине, указанной одним из первых Т. Куном и приведшей его к концепции парадигмы (Кун, 2001, с. 16–17).

Не добившись социально значимых результатов в рамках естественнонаучных схем, социогуманитарные исследователи апеллировали к сложности проблем, связанных с человеком и обществом, и вели поиски особого пути. Один из его идеологов, В. Дильтей, утверждал: «Что такое человек, можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории» (Дильтей, 1996, с. 71).

Неявные основания науки соответствуют здравому смыслу и жизненному опыту

Этот вариант преобладает в социогуманитарных науках и практически отсутствует в естественных науках. Как следствие, перевод написанных в рамках этого подхода трудов с научного языка на житейский нередко показывает тривиальность разработанных теорий. В начале своей карьеры упоминавшийся выше Ч. Миллс, проанализировав ряд учебников, показал, что в основе представлений их авторов – социологов и социальных психологов – о социализации

лежит мораль жителя небольшого американского города (Миллс, 2001, с. 7). В зрелом возрасте, анализируя работы главы школы структурного функционализма Толкотта Парсонса (Parsons, 1902–1979), он утверждал, что понятия в них заменяют действительность (там же, с. 34), и «переводил» длинные фрагменты его книги на обычный житейский язык, обнаруживая тривиальность суждений (там же, с. 36–45).

Систематическое использование неявных оснований в психологии затрудняет различение между идеальными конструктами и реальными событиями (явлениями). Возможно, что вопрос об отношении души и тела (как и другие известные в психологии дуализмы и параллелизмы) является не научной проблемой, а культурно обусловленной, касающейся связей между идеальным конструктом (душа) и реальной вещью (тело) и основанной на вере в возможность развития науки, базирующейся на анализе аналогий, – идущих синхронно часов Готфрида фон Лейбница (Leibniz, 1646–1716), оптики Бенедикта Спинозы (Spinoza, 1632–1677), химии Джона Стюарта Милля (Mill, 1806–1873), голографии Карла Прибрама (Pribram, p. 1919), упоминавшихся выше метафор и мифов, а не конкретных событий. Более того, заслуживает внимания вопрос о том, предоставляет ли психология, построенная на таком основании, что-то новое по сравнению со здравым смыслом и жизненным опытом.

Первый аргумент «за» важность психологических результатов следует из того, что, в отличие от естественных наук, психология развивается не в «ствол», а в «куст». Это обстоятельство позволило Ноэлю Смит (Smith) предложить иерархическую модель системы постулатов для десяти различных систем психологии. В основании иерархии лежат протопостулаты – общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом. Выше них расположены метапостулаты – допущения, относящиеся к конкретной науке, и постулаты – допущения, относящиеся к предмету изучения. Последние делятся на имплицитные, полуэксплицитные и эксплицитные (Смит, 2003, с. 350–355). Как правило, авторы психологических теорий не заявляют эксплицитно свои постулаты, поэтому Н. Смит вывел их логически и предположил, что его постулаты могут быть оспорены приверженцами соответствующих психологических систем (там же, с. 24). Ранее метод метатеоретической реконструкции истории психологии, дополненный их коли-

чественной оценкой, предложил и разработал датский психолог Крестен Мадсен (1922–2003; Madsen, 1988).

Второй аргумент «за» предоставляет практика, когда вступает в противоречие с соображениями здравого смысла и жизненного опыта. Социальный психолог Дэвид Майерс (Myers, p. 1942) утверждает, что психология нужна для того, чтобы отделить ошибки хиндсайта (hindsight bias, феномен «я знал это!») от реальности (Майерс, 1996, с. 40–46).

Несмотря на то, что психологический «кустарник» бурно растет, дуализм «душа – тело», попытки синтезировать научное объективное знание с мифологическими и литературными источниками не привели до сих пор к эффективным психологическим технологиям, например, к разработке прибора, «читающего» человеческие мысли и исследующего неосознаваемые области психики человека и животных. Этические проблемы, связанные с его использованием, негативными последствиями аналогичны многим, порожденным уже существующими изобретениями человеческого ума.

Неявные основания науки противоречат здравому смыслу и жизненному опыту

Автору не удалось обнаружить примеры теорий, опирающихся на такого рода основания, в академической науке. Возможно, они имеются в области псевдонауки, лженауки, паранауки, квазинауки, постулирующей существование сверхъестественных явлений и сил; «торсионных», «тонких», «биоинформационных» полей, «энергии ауры», экстрасенсорных способностей, не признаваемых современной наукой.

Далее трансформация психологического знания будет рассматриваться в терминах выживания и рисков, в отличие от естественных наук, чья эволюция адекватно описывается в терминах смены парадигм, которые не играют существенной инструментальной роли в становлении научной психологии.

Соответствие оснований теории научным стандартам и ее выживание

В интервью журналу «Знание – сила» В. Лефевр сказал, что «в социальных науках критерием принятия теории является ее выживаемость» (Лефевр, 2010). С этим утвер-

Таблица 2

Соответствие оснований теории научным стандартам и ее выживание

Основания науки	используется в научной практике	отсутствует в научной практике
соответствуют научным стандартам	I	III
не соответствуют научным стандартам	II	IV

ждением согласны многие отечественные и зарубежные исследователи. Для дальнейшего анализа выделим два параметра научной теории: соответствие / несоответствие ее оснований научным стандартам и использование / отсутствие в современной научной практике (табл. 2).

Согласно логике и здравому смыслу, из выделенных четырех вариантов первый, I (в научной практике используются теории, соответствующие научным стандартам) и четвертый, IV (из научной практики устраняются теории, не соответствующие научным стандартам) представляются нормальными, а третий, III (теория соответствует научным стандартам, однако не используется в научной практике) и, особенно, второй, II (теория не соответствует научным стандартам, однако используется в научной практике) – нежелательными. Для естественных дисциплин это рассуждение является верным, а для социогуманитарных, как показывает их история, – неверным.

Примером варианта II является психоанализ. Успех его основателя З. Фрейда, как и первых естествоиспытателей, был связан с введением не существующих идеальных объектов («Я», «Оно», «Сверх-Я») и опорой на постулаты, противоречащие здравому смыслу (Эдипов комплекс, детская сексуальность). Как было показано выше, успешная, принятая обществом наука агрессивно навязывает свою точку зрения большинству и противоречит житейским представлениям и стереотипам. Однако не будет преувеличением сказать, что достижения Фрейда противопоставили психологию остальным наукам. Опытный естествоиспытатель, З. Фрейд допускал значительные отклонения от общепринятых научных процедур: «искал данные, которые подтверждали бы его теорию, и отбрасывал все, что шло с ней вразрез» (Глейтман, Фридлунд, Райсберг, 2001,

с. 830), избегал статистической проверки гипотез, черпал уверенность в своей интуиции и апеллировал в конфликтных ситуациях к своему старшинству по возрасту. Сегодня многие положения теории З. Фрейда опровергнуты, некоторые подвергаются сомнению, однако его подход остается привлекательным для исследователей и плодотворным. Выживанию психоанализа, как считают эксперты, способствовали беспрецедентная для науки поддержка творческой интеллигенции, личность З. Фрейда, отнесенного С. Московичи к мозаичным вождям, которые больше заботятся о распространении своих доктрин и верований, нежели об обольщении своей персоной (Московичи, 1998, с. 324–326), создание научной школы и уход из нее наиболее известных учеников.

Вариант III иллюстрирует научно обоснованное учение В. Вундта: «интроспекционизм как подход к изучению психики более не существует» (Ребер, 2003, с. 326). Более того, оказывается, его инновации «носили скорее общественный, а не интеллектуальный характер» (Лихи, 2003, с. 95). Не вызывает сомнений, что В. Вундт, обладавший феноменальной работоспособностью, ответил бы критикам, преодолел кризис психологии сознания и сохранил бы свою международную научную школу. Спад интереса к его экспериментальной психологии на Западе связывают с тем, что он был академическим психологом и сопротивлялся превращению психологии в прикладную науку (там же, с. 107); интеллектуальной и социальной атмосферой в Новом свете, прагматическими принципами; националистической позицией Вундта в ходе Первой мировой войны, что настроило против него и его психологии иностранных ученых; развалом немецкой экономики вследствие поражения (Шульц, Шульц, 1998, с. 102).

В рамках советской психологии, основанной на Ленинской теории отражения, в течение десятилетий находившейся под партийным идеологическим диктатом (поэтому к ней неприменим Пирсовский критерий), работали ученые Б. Г. Ананьев (1907–1972), Н. А. Бернштейн (1896–1966), Л. М. Веккер (1918–2001), Л. С. Выготский (1896–1934), П. Я. Гальперин (1902–1988), А. Н. Леонтьев (1903–1979), А. Р. Лурия (1902–1977), С. Л. Рубинштейн (1889–1960), Д. Н. Узнадзе (1886–1950), прямо или косвенно внесшие вклад в мировую психологию и основавшие научные школы (Богданчиков, 2009). С распадом СССР выяснилось, что значение диалектико- и историко-материалистической пропитки основ отечественной психологии (Акопов, 2004) не следует переоценивать, однако «вместе с марксизмом исчез и единый язык, на котором психологи разговаривали друг с другом» (Аллахвердов, 2003, с. 9). Парадоксальную картину исчезновения советской психологии, не исчерпавшей своего потенциала, дополняет сохранение, в значительной степени, в неизменном виде прежних организационных структур.

Наконец, гештальт-психологи Макс Вергеймер (Wertheimer, 1880–1943), Вольфганг Кёлер (Köhler, 1887–1967) и Курт Коффка (Koffka, 1886–1941), изменившие научную картину мира и оказавшие влияние на Т. Куна, сравнивавшего изменение парадигмы с переключением гештальта, проиграли своим основным конкурентам – фрейдским психоаналитикам и скиннеровским бихевиористам не из-за слабости теории или неубедительности эмпирических данных, а вследствие Второй мировой войны, не давшей им возможности после переезда в США создать научную школу.

Завершим раздел словами Ч. Миллса: «Если бы расцвет и закат доктрин и методов были целиком обусловлены чисто интеллектуальным соревнованием между ними (более адекватные и плодотворные выигрывают, менее адекватные и неплототворные сходят с дистанции), «Высокая теория» и абстрактный эмпиризм не получили бы своего нынешнего развития» (Миллс, 2001, с. 92).

Заключение

В ходе сравнительного анализа естественных и социогуманитарных наук был рассмотрен генезис оснований науки, их соот-

ношение со здравым смыслом, обыденным сознанием, житейским опытом и человеческой интуицией.

Показано, что естественные науки развивались путем смены исходных постулатов, парадигм, а главным внешним критерием по отношению к социогуманитарным теориям является их выживаемость. Неизменность основного труда Т. Куна «Структура научных революций» на протяжении трех изданий (с 1962 по 1996 г.) служит косвенным доказательством того, что понятие «парадигма» укоренено в индустриальном обществе и при переходе к информационному обществу нуждается в замене, по крайней мере, в социогуманитарных науках, на понятие «синтагма», предполагающее конвергентное, взаимовстроенное экономическое, юридическое, социально-психологическое, математическое, естественнонаучное, технологическое знание, основанное на явных предпосылках. В естественных науках прикладные технологии, изменяющие мир, являются прямым следствием фундаментальных результатов, в то время как в социогуманитарных науках эта связь намного слабее.

Список литературы

Акопов Г. В. Проблема сознания в российской психологии. М.; Воронеж, 2004.

Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Аллахвердов В. М. Сознание – кажущееся и реальное // Методология и история психологии. 2009. Вып. 1. С. 137–150.

Богданчиков С. А. Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // Методология и история психологии. 2009. Вып. 2. С. 7–31.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2010.

Вересов Н. Н., Агафонов А. Ю. «Внутреннее» – это где? // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 64–71.

Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Этюды о симметрии. М., 1971. С. 87–103.

Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб., 2001.

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 3 П. М., 2004.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
- Дорфман Л. Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М., 2003.
- Дорфман Л. Я. Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. М., 2005.
- Имянитов Н. С. По «лестнице наук» – к искусству // Философия науки. 2003. № 4 (19). С. 3–17.
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.
- Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985.
- Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
- Лефевр В. А. Формула человека: Контур фундаментальной психологии. М., 1991.
- Лефевр В. А. Алгебра совести. М., 2003а.
- Лефевр В. А. Рефлексия. М., 2003б.
- Лефевр В. А. Ментализм и бихевиоризм: слияние? // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 116–127.
- Лефевр В. А. Недетские игры рефлексивного управления // Знание – сила. 2010.
- Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999.
- Лихи Т. История современной психологии. СПб., 2003.
- Лызлов А. В. Полемика Г. Эббингауза с В. Дильтеем об описательной и объяснительной психологии // Методология и история психологии. 2009. Вып. 2. С. 87–95.
- Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль, 1998.
- Майерс Д. Социальная психологи. СПб., 1996.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2003.
- Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001.
- Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2001.
- Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.
- Психология XXI века. М., 2003.
- Психология: Биографический библиографический словарь. СПб., 1999.
- Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Т. 1 (А–О). М., 2003.
- Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003.
- Старовойтенко Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М., 2001.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003.
- Суходольский Г. В. Математическая психология. Харьков, 2006.
- Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М., 2007.
- Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003.
- Хант М. История психологии. М., 2009.
- Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии. СПб., 1998.
- Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики: Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов. М., 1966.
- Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука и бизнес // Наукоедение. 2000. № 4. С. 13–17.
- Anderson N. B. Toward a Strategic Plan for APA // Monitor on Psychology. 2008. № 6. P. 9.
- APA Dictionary of Psychology. Washington, 2007.
- Grünwald B. Geist – Kultur – Gesellschaft. Versuch einer Prinzipientheorie der Geisteswissenschaften auf transzendentalphilosophischer Grundlage. Berlin, 2009.
- Lewin K. Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // Erkenntnis. 1931. Bd. 1. S. 421–466.
- Madsen K. A History of Psychology in Metascientific Perspective. 1988.
- Meehl P. E. Cliometric Metatheory III: Peircean Consensus, Verisimilitude and Asymptotic Method // British Journal for the Philosophy of Science. 2004. Vol. 55. P. 615–643.
- Niiniluoto I. Scientific Progress // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2008.
- Sperry R.W. Psychology's Mentalist Paradigm and the Religion/Science Tension //

American Psychologist. 1988. Vol. 43. P. 607–613.

Revsin A. C. Obama's Call to Create, Not Just Consume // The New York Times. 2009. April 27.

Rosenhan D. L. On being sane in insane places // Science. 1973. Jan. 179. P. 250–258.

Rudolph L., Valsiner J. Introduction : Mathematical Models and Social Representation //

Qualitative Mathematics for the Social Sciences: Mathematical Models for Research on Cultural Dynamics. 2013. P. 1-36.

Valsiner J., Rudolph L. Who shall survive? Psychology that replaces quantification with qualitative mathematics // 29th International Congress of Psychology. Berlin, 2008.

Willy R. Die Krisis in der Psychologie. Leipzig, 1899.

I. E. Garber

**DECLARED AND LATENT FOUNDATIONS
OF NATURAL AND SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCES**

Abstract: In the course of comparative analysis of declared and latent foundations for natural and socio-humanitarian sciences, genesis of foundations of science, their relations with common sense, ordinary conscience, life experience, and human intuition are considered. Analysis was conducted in consideration of conditional division of sciences as theoretical (fundamental) and practical (applied). Physics and psychology were chosen as basic examples for natural and socio-humanitarian sciences correspondingly. Correlation between congruence of theoretical foundations with scientific standards and survival of the theory is discussed. It's shown, that natural sciences were developing by means of replacement of initial postulates, paradigms by new ones, while general external criterion for socio-humanitarian theories was their survival. This statement is compared with the evident fact that in natural sciences applied technologies changing the world, are direct consequences of fundamental results, while in socio-humanitarian sciences this connection is much weaker.

Keywords: declared foundations, latent foundations, natural sciences, socio-humanitarian sciences, psychology, physics, fundamental science, applied science, crisis of science, progress of science, common sense, life experience, ideal construct, real event, scientific standard, survival of the theory.